

ВЕРНИСАЖ

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

ДЖИНА И ДАВИД

Вот и встретились два эталона красоты

Сегодня в Музее изобразительных искусств имени Пушкина открывается выставка скульптур Джины Лоллобриджи. Легендарная звезда итальянского и мирового кино в прямом смысле не теряет времени даром и каждый год открывает перед нами новые грани своего таланта. Актриса, журналист, кинодокументалист (снимала фильм о Фиделе Кастро), фотограф (выпустила несколько альбомов) и даже певица (у нее сопрано), Джина решила явиться на Московский кинофестиваль в новой ипостаси. Пока на кинофестивале показывают ретроспективу ее фильмов, 75-летняя неувыдающая звезда проводит время в Итальянском дворике Пушкинского музея, где на фоне знаменитой копии микеланджелевского "Давида" выставлены ее творения. Здесь Джину Лоллобриджи и повстречала наш корреспондент Марина ОВСОВА, немало удивившись тому, что суперстар, стоя на коленях, наносит последние штрихи, тонируя свою последнюю скульптуру.

— Вы первый раз демонстрируете свои скульптуры?

— Да. Это мировая премьера. До этого я десять лет делала скульптуры, но никогда и никому их не показывала, даже близким друзьям. Уже потом, после Москвы, я повезу свои работы в Венецию на время фестиваля и в конце года выставлю их в Париже, в Музее Моне.

— Как вы начали заниматься скульптурой?

— Многие годы в кино во мне накапливалось желание заняться искусством, и особенно скульптурой. Наблюдая за работой Джакомо

Манцу, который был моим большим другом (к сожалению, он уже скончался), я не смогла больше сдерживать в себе это желание. Я изучала живопись и скульптуру в Академии искусств в Риме, но судьба распорядилась так, что моя жизнь стала связана с кино. Тогда, во время моей молодости, оно было очень романтичным и заставляло мечтать, сейчас же совсем другое. И нет ролей для такой актрисы, как я. Поэтому с большой радостью я вернулась к своей первой любви.

— Почему вы так долго таили от нас свои произведения?

— Я хотела почувствовать себя уверенной, что я готова. И в этом году отважилась устроить сразу три выставки.

— Вы можете рассказать о своем первом произведении вообще?

— В Академии искусств я была первой ученицей. Особенно мне удавались портреты, за что я даже выиграла стипендию. Моим первым публичным произведением стал рисунок мыши, который я сделала в десять лет и который был опубликован в сатирическом журнале "Тополино". Поскольку мое детство пришлось на войну, ранние рисунки передают ее ужасы. Однажды я рисовала реку с мостом, и прямо на моих глазах мост взорвался... Между прочим, я вспомнила, что рисование и лепка — не последний мой талант: в молодости я еще и пела, у меня лирическое сопрано, и есть такой опыт, как участие в опере "Тоска" вместе с Марио дель Монако.

— Ну, у вас просто фейерверк талантов...

— Спасибо маме. У меня еще три сестры, но, как говорят у нас в Италии, видимо, "все молоко выпила я". Я самая из них талантливая.

— Что такое для вас скульптура?

— Я полностью самовыражаюсь. Я стараюсь не только добиться сходства с персонажем, но и войти в сам образ, и раскрыть его по-новому. В скульптуре нет режиссера и сценариста. Конечно, ничто не сравнится с кино — оно более массово, и если фильм удастся, то это сразу доходит до очень многих людей. Но скульптура меня больше радует и удовлетворяет. Это такая радость! Ничто не сравнится с тем, когда ты своими руками что-то производишь. Я не стараюсь делать что-то, что понравилось бы публике, — только для себя.

— Ваши любимые работы?

— Они изображают меня в моих любимых ролях. Безусловно, это Паулина Боргезе из "Имперской Венеры", Эсмеральда из фильма "Нотр-Дам де Пари", потому что они такие незабываемые, полные жизни, мечтаний... И потому в них так много золота, фантазий, вымысла, потому что мы тогда так хотели, чтобы мир был ярким. Но самая любимая моя работа, которую я лепила в 57-м году, — это, конечно, скульптура моего сына Милко, когда он только-только родился. Кстати, он придет сегодня на вернисаж вместе с моим любимым внуком Димитрием, которому я посвятила свою книгу, где запечатлены все мои скульптуры. Я даже написала, что он мне помог в этой сложной работе.

— В чем помог? Не мешал?..

— Я вместе с ним поехала за мрамором туда, где брал камень Микеланджело для своего "Давида". И он постоянно набивал карманы камнями и все это привозил домой в Рим. Потом он так на них смотрел, как будто они были бриллиантами...

— Вы обычно работаете в студии, которая находится на вашей вилле под Римом?

— Да. Дома я иногда делаю какие-нибудь скульптуры, но чаще всего я еду в такой небольшой городок — Пьетро-Санта. Это очень знаменитое место, все скульпторы со всего мира приезжают туда, потому что там — очень хорошие мастера и техники. И для меня этот город стал вторым домом. Там я могу ходить без макияжа, вся испачканная в бронзе, в гипсе, в пыли и мраморной крошке... Это нормально. Я там рождаюсь заново и живу как обычный человек, окруженный многочисленными друзьями-художниками. Сама хожу по магазинам, сама готовлю еду...

— Ваш любимый материал?

— Конечно, бронза. Бронзу я делаю от начала до конца. Беда тому, кто дотронуется до моей работы! Дело в том, что в моих работах столько маленьких деталей, что разобраться могу только я. Конечно, с мрамором, который я тоже люблю, сложнее. Здесь начальную работу, конечно, делают мастера, но на самом последнем этапе я тоже никого не допускаю, особенно до лиц. Когда полирую руку — это нормально, пожалуйста. Но выражение лица, характер — это должно быть полностью под моим контролем.

— И последний вопрос: каким будет следующий "жанр" вашей жизни?

— Голос у меня есть хороший, но карьеры певицы я явно не сделаю, поэтому останусь со скульптурой навсегда.

Марина ОВСОВА.